

В тот день Сяо Чэн предлагал Юнь Чжао навестить их дом, но из-за внезапного самоубийства Драгоценной наложницы Лань дело затянулось, и Сяо Чэн больше не возвращался к этому разговору. Юнь Чжао же был глубоко тронут тем, как Сяо Лян его защищал.

Сяо Лян лишь сказал: «Я верю ему».

Видя его уверенность, Юнь Чжао не осмелился спорить и добавил: «Сегодня утром доложили, что дворец князя Цинь почти достроен. Ваше высочество можете выбрать день для переезда».

Сяо Лян кивнул и, заметив, что Юнь Чжао всё ещё стоит, сказал: «Можешь идти. Я хочу позаниматься кулачным комплексом».

Дело в том, что Цзи Лань, получив императорский приказ обучать его боевым искусствам, опасался, что Сяо Лян с детства слаб здоровьем и не сможет переносить серьёзные нагрузки. Поэтому он специально разработал комплекс упражнений для укрепления тела, чтобы тот разрабатывал руки и ноги. Цзи Лань планировал начать настоящее обучение позже, когда Сяо Лян переедет в дворец князя Цинь. Сяо Лян же ежедневно усердно тренировался без перерывов, отчего и правда окреп.

Однако Юнь Чжао смотрел на это свысока: «Этот комплекс годится лишь для поддержания формы. В случае нападения он бесполезен».

Сяо Лян не рассердился, лишь ответил: «Я знаю, что ты мастер боевых искусств, но слышал, Цзи Лань не сильно тебе уступает. Но в тот день, когда вы состязались в Доме великого наставника, я так и не понял, как тебе удалось взять верх».

Юнь Чжао ответил с гордостью: «Это потому, что я с детства жил в нищете и, чтобы не умереть с голоду, часто отбирал добычу у лесных зверей. Позже встретил необычного наставника и был вынужден тренироваться до изнеможения — малейшее послабление каралось. Господин Цзи с младых ногтей рос в Доме великого наставника. Как бы строг ни был старый господин Цзи, он души не чаял во внуке и не мог быть с ним по-настоящему суров. А я, тот, кто боролся за жизнь с небом, естественно, диче и злее, чем баловень судьбы вроде господина Цзи».

По его словам Сяо Лян понял, что Юнь Чжао питает к Цзи Ланю неприязнь, и сказал: «Если уж на то пошло, я, как князь, стою выше Цзи Ланя по рождению. К тому же с детства был слаб здоровьем и вряд ли смог бы перенять твою волчью хватку. Мне остаётся учиться у благородного юноши вроде Цзи Ланя — не для нападения, а для самозащиты».

Юнь Чжао не нашёлся, что ответить на такие слова, и смиренно отступил в сторону.

Сяо Лян спросил: «Ты говорил, что вырос в лесу. А родители?»

Услышав вопрос, Юнь Чжао ответил: «Я сирота. Меня подобрал и вырастил лесной охотник, а повзрослев, я сам стал жить охотой. Позже, обучившись боевым искусствам, поступил на службу во дворец».

Сяо Лян удивился, подумав: стражники императора проходят строгий отбор. Для человека с таким происхождением, как у Юнь Чжао, достичь в юном возрасте высокого мастерства — дело нелёгкое.

Он спросил снова: «Тот необычный наставник, которого ты встретил, должно быть, был великим мастером?»

Юнь Чжао ответил: «Я дал клятву никогда никому не рассказывать о своём учителе. Прошу ваше высочество больше не спрашивать об этом».

Сяо Лян кивнул и не стал допытываться. Так прошло несколько дней. Дворцы князя Цинь и князя Ляна были достроены, и Сяо Лян с Сяо Юньсяном по очереди подали прошения императору Сяо И, испрашивая дозволения в назначенный день покинуть дворец.

Поскольку евнухи, поступая во дворец, не могли покинуть его живыми, Сяо Лян, помня о старости евнуха Линя и опасаясь, что того во дворце станут притеснять, специально испросил разрешения взять его с собой. Он не ожидал, что эта малая просьба вызовет сильное недовольство Сяо Чэна.

Наедине с Гу Цзинхуа Сяо Чэн говорил: «Со времён основания нашей династии Великим Предком ни один евнух не покидал дворец живым. То, что прошение Сяо Ляна было удовлетворено, показывает, сколь велика к нему отцовская милость».

Гу Цзинхуа не понимала: «Но это же сущая мелочь? Чего тут опасаться?»

Сяо Чэн сказал: «Ты не ведаешь. Дворец князя Цинь отец выбирал лично. Говорят, это бывшая усадьба Ян Юйшу. У Сяо Ляна нет поддержки со стороны материнской семьи, но раз отец так чтит прошлое, он его не обидит. К тому же эта усадьба уже однажды навлекла на столицу беду!»

Гу Цзинхуа сказала: «Об этом я слышала. Говорят, усадьба Ян находилась в южной части столицы. Однажды мимо проходил странствующий гадатель и сказал, что у этого места фэншуй с признаками сокрытого дракона. Тогда Ян Юйшу подал доклад с повинной и даже хотел снести усадьбу и отстроить новую. Но Покойный император, будучи человеком добрым и великодушным, не придавал этому значения. В то время некоторые сановники подавали обличительные мемориалы, говоря, что при постройке усадьбы Ян должны были пригласить мастера фэншуй для осмотра. Как могли они узнать об этом лишь после завершения строительства? Явно тут был умысел. Однако всё это тогдашний государь тихо придержал. Правда, ещё до восшествия на престол нынешнего государя князь Нин, вступив в сговор с королевским кланом Эрхая, поднял мятеж. Семья Ян сражалась насмерть, и весь род был истреблён — так что толки о фэншуй сами собой утихли».

Сяо Чэн покачал головой: «Всё так, но когда Наложница Хуэй только получила свой титул, она хотела продать усадьбу, однако в столице никто не осмеливался её купить. Ян Юйшу в своё время был ближайшим сподвижником отца, помог ему взойти на престол. Теперь же Сяо Лян становится хозяином того места. Намерения отца очевидны».

Гу Цзинхуа сказала: «Я всё же полагаю, ваше высочество излишне беспокоитесь».

Сяо Чэн не стал продолжать, лишь велел приготовить подарки, чтобы в назначенный день лично явиться во дворец князя Цинь и поздравить Сяо Ляна с новосельем.

Дворец князя Ляна был достроен чуть раньше, и Сяо Юньсян переехал первым. Поскольку тот не любил шумных сборищ, он заранее вежливо отказался от поздравлений, так что несколько князей лишь отослали подарки, не нанося визитов.

С Сяо Ляном всё было иначе. Он был в хороших отношениях с братьями, и, видя, как те один за другим являются с поздравлениями, он искренне радовался. Первым пришёл Сяо Цянь. Они немного поболтали, и тот уже собирался уходить, но Сяо Цзюэ увлёк его в задний сад полюбоваться рыбами. Дворец князя Ци, где должен был жить Сяо Цзюэ, всё ещё

достраивался, потому он пока оставался во дворце.

Сяо Юньсян прислал в подарок картину, написанную собственной рукой, но сам не появился. Все наперебой восхищались, а Сяо Лян, лишь улыбаясь, ничего не говоря, унёс картину в кабинет, чтобы рассмотреть её в одиночестве. На картине был изображён свирепый тигр, держащий в зубах орхидею и отдыхающий у горного ручья, казалось, уже погружённый в сон.

Смотря на горный источник рядом с тигром, Сяо Лян испытал лёгкое удивление. Сяо Цзе носил прозвище «Тигриный Источник», но что означала орхидея? Он помнил, что третий брат не любил цветы и растения, и в Дворце Тигриного Источника орхидеи никогда не выращивали. К тому же сейчас, в такое время, Сяо Юньсян преподносит ему эту картину — должно быть, дело не так просто.

На душе у него было беспокойно, но высказывать свои подозрения он не смел. Вскоре он распустил гостей. Сяо Цянь и Сяо Цзюэ вернулись из сада и попрощались. Цзи Лань, заметив, что Сяо Лян выглядит необычно, остался.

Цзи Лань спросил: «Ваше высочество, что с вами?»

«Цзиньбо, лучше зови меня Фэнмянь».

«Но...»

«Побудь со мной немного».

«Хорошо».

Сяо Лян не отрывал взгляда от картины, подаренной Сяо Юньсяном, и никак не мог понять её смысл. Он чувствовал, что даже если спросит самого Сяо Юньсяна, то не получит ответа.

Цзи Лань, видя его рассеянность, спросил: «Фэнмянь, что с тобой?»

Сяо Лян не ответил, лишь крепко сжал руку Цзи Ланя и сказал: «Я хочу научиться боевым искусствам. Научиться так, как третий брат. Как думаешь, ты сможешь меня обучить?»

«Князь Вэй обладает высочайшим мастерством, но более всего он славится как наездник. Лучший наездник в столице — это, без сомнения, Хэ Сюй из семьи Хэ, что поколений охраняет северные рубежи. Если Фэнмянь действительно хочет, я могу представить тебя брату Хэ и попросить его стать твоим наставником. Почему бы и нет?»

«Хорошо. Пусть будет так».

«Фэнмянь, что же с тобой? Отчего лицо такое бледное?»

«Я просто смотрю на ту картину и вспоминаю, что третьего брата всегда сравнивали со свирепым тигром. А теперь его нет с нами. На душе тяжело».

Услышав это, Цзи Лань произнёс несколько слов утешения. Они хотели поговорить ещё, но вдруг в комнату стремительно вошёл Юнь Чжао.

Сяо Лян, видя его встревоженным, спросил: «Юнь Чжао, что случилось?»

Юнь Чжао, видя, что они беседуют наедине, не осмелился сказать больше, лишь промолвил: «Ничего. У этого низкого человека внезапно появилось срочное дело, требующее выезда из

усадыбы. Осмелюсь просить ваше высочество о дозволении».

Сяо Лян взглянул на него и кивнул: «Ступай».

Юнь Чжао немедленно удалился. Цзи Лань спросил: «Он стражник, подаренный вам императором. Вы уверены, что можете спокойно оставлять его в своей усадьбе?»

Сяо Лян ответил: «А ты — двоюродный брат моего третьего брата. Могу ли я быть уверен, что могу говорить с тобой откровенно?»

Услышав это, Цзи Лань тут же встал, сделал церемонный поклон и собрался проститься. Лишь тогда Сяо Лян понял, что его шутка зашла слишком далеко. Он ухватил Цзи Ланя за руку и сказал: «Какие бы мысли ни таил в душе Юнь Чжао, я действую с чистой совестью. Мне всё равно, узнает ли отец или нет».

Сказав это, он вспомнил о картине и тут же позвал дворецкого: «Дворецкий, спроси у привратников, в какую сторону отправился Юнь Чжао».

Дворецкий ответил: «Докладываю вашему высочеству, этот низкий слуга как раз встретил его. Стражник Юнь направился напрямик во дворец».

<http://bllate.org/book/15946/1425724>